

Рядченко Е. А.

**КУРОРТНЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: "NUTRIT, ROBORAT, ALTERAT". ВОПРОСЫ
САНИТАРИИ, ГИГИЕНЫ И БЛАГОУСТРОЙСТВА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/65.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 156-162. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Учитывая вышеназванную особенность, в российском законодательстве не распространено употребление термина «нация». В то же время, законодательные примеры, которые не просто не способствуют преодолению отмеченной семантической путаницы, а закрепляют новые стереотипы, к сожалению, имеют место быть. Так, Федеральным законом от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» введено понятие «титовая нация» - часть населения государств, национальность которой определяет официальное наименование данного государства.

Однако абсолютное большинство отечественных нормативно-правовых актов используют понятие «нация» в гражданском смысле, в их числе: Федеральный закон от 29.04.1999 г. № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ», «Концепция национальной безопасности РФ», утвержденная Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300, Постановление Правительства РФ от 08.12.2005 № 740 «О Федеральной целевой программе «Культура России (2006-2010 годы)», Послание президента РФ Федеральному собранию от 26.04.2007 г.

В тексте действующей Конституции Российской Федерации термин «нация» не употреблен ни разу. Слово «национальность» употребляется единожды в 19 статье. Также присутствуют шесть словосочетаний, в которых прилагательное «национальный» употребляется в этническом смысле – «многонациональный народ», «национальной розни», «национальной принадлежности», «национальную вражду», «национального превосходства», «национальных меньшинств». Однако в п. «е» ст. 71 Конституции РФ, на наш взгляд, указанное прилагательное употреблено в гражданском смысле – «национальное развитие РФ».

Таким образом, налицо проблема двойственности толкований распространенного законодательного термина. Причем указанная двойственность принципиальна, поскольку различия между, например, национальной политикой РФ, относящейся к ее месту, роли в международной сфере, и между национальной (т.е. этнической) политикой РФ, проводимой органами государственной власти при решении задач, связанных с развитием полиэтничного населения РФ, регулированием межэтнических отношений, на наш взгляд существуют.

Как отмечает Э.А. Паин, государственная трактовка нации в последнее время закрепляется в терминах «национальная армия», «Совет национальной безопасности», «национальные интересы». Подобная терминология пришла в Россию из западного политического лексикона [3, 11].

Таким образом, целесообразным представляется рекомендовать российскому законодателю произвести терминологическую правку нормативно-правовой базы посредством замены термина «национальный» в словосочетаниях с этнической семантикой на прилагательное «этнический». Вышеуказанное должно способствовать пониманию нации как гражданства, а не этничности, становлению толерантной кросс-этнической коммуникации.

Смещение нации и этноса, этнического и национального приводит к теоретической, идеологической и мировоззренческой двусмысленности при выработке и осуществлении этнической политики. Историческая традиция не должна препятствовать построению адекватной системы терминологических категорий в нашей стране.

Список литературы

1. **Большой юридический словарь** / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2002. - 704 с.
2. **Крупкин П.** Народ, Национальность, Нация // <http://www.apn.ru/publications/article11285.htm>
3. **Паин Э. А.** Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 164 с.
4. **Социологический энциклопедический словарь** / Ред. - координатор Г.В. Осипов. - М.: Инфра-М-НОРМА, 1998. - 488 с.

КУРОРТНЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: «*NUTRIT, ROBORAT, ALTERAT*»¹. ВОПРОСЫ САНИТАРИИ, ГИГИЕНЫ И БЛАГОУСТРОЙСТВА

Рядченко Е. А.

Российский государственный гуманитарный университет (филиал) в г. Тольятти

Большинство русских городов пореформенного времени по внешнему виду мало, чем отличались от сельских поселений. Еще меньшими темпами в указанный период шло развитие провинциальных русских городов: «со стороны благоустройства Пенза представляла собой в это время глухой, степной город» [Вся Пенза 1925: 63]; «лишь став губернским городом, Самара превратилась из ничтожного захолустья в город, что касается до окраин тогдашней Самары, то таковые представляли чисто деревенский характер» [Алабин 1877: 32]. О Ставрополе очевидец писал, что «сам город представлял собой по виду, скорее боль-

¹ Лат. «Питает, укрепляет, перерождает».

шое село, чем город» [Наумов 1954: 136-137]. Анализ состояния российских городов позволяет вслед за Н.В. Шелгуновым повторить: «Нельзя сказать, чтобы жизнь у нас была ключом. Наша серенькая жизнь сочится вроде ключа мертвой воды, но ключ, хотя и мертвый, все-таки течет» [Шелгунов 1895: 73]. «Умственный мрак и болотная жизнь» [Шелгунов 1895: 75] - это отличительная черта решительного большинства великорусских городов средней полосы, в том числе и городов Среднего Поволжья. Во второй половине XIX века их патриархальность подчеркивалась преимущественно деревянной застройкой, плохим состоянием улиц, отсутствием водопровода, канализации, электрического освещения. Причина такого положения заключалась в скудости бюджетов таких городов, о чем постоянно шла речь на заседаниях местных органов управления. Связь «малых городских доходов» с «непредставительной наружностью городов» отмечалась современниками неоднократно [Материалы... 1877: 485]. В малых и средних городах не только до реформы и в пореформенное время среди отчислений в бюджет от городских имуществ главное место продолжало принадлежать аренде на землю, которая сохраняла свой сельскохозяйственный характер. Роль косвенных налогов, как источник доходов, была незначительной [Михайловский 1905: 2,3,25]. В бюджете города существовали расходы «обязательные» и «непременные», в число которых входило благоустройство и медико-санитарное обслуживание [Михайловский 1905: 3]. Однако финансовые возможности городов не соответствовали их растущим потребностям [Шрейдер б/г: 2]. Возрастающие потребности горожан заставляли вплотную заниматься благоустройством городов, развитием их бытовой инфраструктуры, надежным обеспечением населения продуктами питания, водой, услугами [Рожков 1902: 163]. Кроме того, идеальный город должен быть оборудован согласно всем требованиям гигиены [Семенов 1912: 68].

Однако в целом вопросы, посвященные влиянию государственной политики в области санитарного контроля на развитие предпринимательства, анализ государственных мер по охране окружающей среды и здоровья населения, остаются довольно слабо разработанными. Ограничения, связанные с охраной окружающей среды, были редки для российского законодательства. Здесь так и не сложилось упорядоченной системы мер в отношении санитарной безопасности. Отдельные законоположения были разбросаны по всему Своду законов. Обязанность контролировать процесс соблюдения санитарных норм при производстве и оказании услуг населению была возложена, согласно Городовому положению 1870 года, на городские думы и городские управы.

Осуществление любого крупного проекта в области благоустройства требовало больших финансовых затрат, которые часто превышали весь годовой бюджет. В этих условиях очень важным становилось участие широкой общественности, в первую очередь купцов, в решении местных задач. «Задачи оздоровления и здравоохранения касаются всех и каждого», - подчеркивал доктор медицины С.М. Арутинов, в своем докладе председателю научно-бальнеологической* секции «Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей», аргументируя необходимость открытия секции санитарии и гигиены. «Нужно употребить все средства, чтобы привлечь к работе культурные центры, слои, организации и просветительские общества» [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.15. Л.5]. «Оздоровление и здравоохранение – это громадное государственное дело, требующее для успешного ведения всю силу государственной мощи, организации планомерной и обязательной работы. Без активного участия отдельных лиц и организаций, без участия общественных сил, это дело не может иметь заметного успеха» [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.15. Л.6-7].

В Российской империи сфера инфраструктуры была вотчиной частного капитала, поэтому в развитии и благоустройстве города значительная роль принадлежала купцам. В городе появляется «новый» человек с другими запросами жизни, с другими потребностями, с требованиями большего комфорта жизни [Озеров 1906: 61-62].

Блага городской жизни заключаются в безопасности, удобствах, дешевизне жизни, в защите от насилия и вообще в соединении таких условий, которые делают жизнь удобной, привлекательной, содействующей развитию общественности, культуры, образования и всех видов прогресса. Любопытно, что в этом отношении наши города похожи на совсем новые поселения, точно их только вчера построили, и люди еще не успели сделать даже самого необходимого [Шелгунов 1895: 76]. Вряд ли можно говорить о безопасности и благоустройстве, когда непосредственно в городе можно быть «внезапно погребенным съехавшей глыбой земли в трехэтажный дом, внезапно утонуть на улице, получить холеру или тиф. Города живут без воды, без газа, без выгребных ям, вдыхают парфюмы навозных куч и уличной грязи» [Шелгунов 1895: 77,80]. «Во всех наших городах благоустройство находится в самом зачаточном виде» [Шелгунов 1895: 76]. Но «городское благоустройство заключается, конечно, не в красоте домов, на главных улицах, а в чистоте, в таких условиях, которые помогали бы городскому обитателю прожить, по крайней мере, сто лет, а не умирать на другой день рождения. Наше же городское благоустройство рассчитано не на людей, а на несокрушимые каменные глыбы; но – увьи! – людей каменной несокрушимости Россия уже давно перестала производить, и город, несомненно, много помогает вырождению, и санитарные условия, в которых он пребывает, не особенно помогают развитию крепких, здоровых и сильных организмов. Прежде всего, все наши города до невозможности грязны. «Грязь» есть закон русского города; «грязь» - наш прирожденный грех и, пребывая в этом грехе многие века, мы только в последнее время призадумались над ним» [Шелгунов 1895: 78]. Пока-

*Бальнеология – учение об употреблении минеральных вод для питья и ванн, о морских купаниях, климатических станциях.

зательно, что «картина не меняется, если поле своих наблюдений перенести из уездных городов в губернские. В губернских городах краски оказываются еще гуще и, благодаря большому многолюдству, всяких нечистот оказывается больше» [Шелгунов 1895: 79]. Таким образом, заключает Н.В. Шелгунов, «санитарный вопрос в нашей городской жизни исчез с лица русских городов, стал пустым местом» [Шелгунов 1895: 83].

По этим причинам жизненно «необходимо регулярно удаляться из современных антисанитарных условий жизни в городах, в крупных центрах полезно для всех и для каждого хотя бы даже на короткий срок: на несколько недель. Да еще при необходимом условии, чтобы все эти лечебные места были бы благоустроены во всех отношениях, что далеко не всегда бывает, и при всем том, конечно, доступны по стоимости. Из этого следует, как редко и трудно можно найти вполне подходящих для большинства населения вполне удовлетворительную здравницу и лечебное место и насколько представляется необходимым не оставлять в пренебрежении санитарии постоянных мест пребывания и гигиену нашей жизни» [Шелгунов 1895: 72].

В записке, направленной С.М. Арутиновым в редакцию газеты «Новое время» о санитарном состоянии русских курортов, опубликованной в № 14489 под заглавием «На курортах», подчеркивается, что оно вызывает горькое чувство. «Устраивали съезды, напечатали несколько томов трудов, организовали общества и издания о лечебных местах, собирались, рассуждали, кипятились, спорили, выпрашивали правительственные субсидии, а все еще курорты наши на «кустарном уровне» [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.17. Л.2]. Бесспорно, что «для того, чтобы выйти из этого уровня, нужно будет немало и средств, и времени, и желания. Но кроме всего этого есть еще одно средство – это умение и планомерно-организованная работа. Вот последнего у нас, к сожалению, пока что маловато и в пренебрежении. На первом плане нажива, она составляет единственную цель курортных дел мастеров. Жадность, непонимание истинных интересов (даже своих) и минимальных потребностей хворой публики, затем незнание дела, неумение и нежелание поумерить безгранично разрастающиеся аппетиты, бросаются в глаза с первых же дней пребывания в наших лечебных местах» [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.17. Л.2]. Для улучшения и поднятия наших курортов, для привлечения нашей публики, которая избегала их и вывозила миллионы за границу, все хлопочут, собираются съезды, правительство отпускает большие средства, а местные люди, которые более всех заинтересованы в благоустройстве курортов, делают точно нарочно все, чтобы противодействовать упорядочиванию наших лечебных мест, и чтобы отбить охоту пользоваться отечественными курортами [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.17. Л.3].

Среднее Поволжье широко славилось своими кумысолечебными заведениями и минеральными источниками. Однако не все заведения соответствовали необходимым санитарным условиям и потребностям отдыхающих, что неизбежно вызывало нарекания и необходимость изыскивать дополнительные финансовые источники для их развития.

Первое по времени открытия кумысолечебное заведение в Самаре принадлежало доктору медицины Н.В. Постникову. Кумыс был известен в глубокой древности, он содержит в себе свободную угольную кислоту и легко растворимые белковые питательные вещества. Однако долгое время кумыс, как лекарство, почти не употреблялся. В 1858 году Н.В. Постниковым, на научных началах, было открыто первое кумысолечебное заведение... С этого времени кумыс стали изучать физиологически и терапевтически, а вместе с этим начали производить и химические анализы, как состава кобыльего молока, так и самого кумыса. Все эти исследования привели к тому, что кумысолечение встало на твердую научную почву [Самарские курорты 1895: 5-6].

Заведение находится в 6 верстах от центра города. «Местность представляет образчик в санитарном отношении. Больной, помещающийся здесь, быстро поправляется. Не только один кумыс действует на него благотворно: все, что его окружает, способствует правильному отправлению его органов. Люди, много путешествовавшие и образованные, приходят в восторг от такой счастливой комбинации гигиенических условий» [Отчет... 1871: 3]. Кумысолечебное заведение доктора Постникова представляет в распоряжение больных до 15 отдельных домиков. Каждый домик разделен на несколько (большинство на 4) отдельных небольших квартир, за которые взимается от 8 до 40 рублей в месяц; можно нанимать и совсем отдельные домики, ценою в 75 рублей. Каждая квартира ежегодно реставрируется, «за последние два года они отделаны безупречно в гигиеническом отношении: полы и окна выкрашены, стены оштукатурены, окна плотно вставлены, везде соблюдены правила вентиляции с предосторожностями от сквозного ветра» [Отчет... 1871: 4], имеется печь или камин, квартира снабжена необходимой мебелировкой и прислугою. Кумыс выдвывается под надзором доктора Постникова на хуторе, в ковыльной поляне, отстоящей верстах в 9 от заведения. Посреди домиков главной дачи возвышается большое здание – курзал, в котором устраивается общий стол для больных, имеются рояль и бильярд. Курзал – единственная в своем роде постройка на русских кумысолечебных заведениях; внутри он настолько обширен, что может вместить особую сцену для устройства спектаклей и несколько сот человек публики [Самарские курорты 1895: 18-24].

В 2-3 верстах ближе к Самаре, на самом берегу Волги, находится другое кумысолечебное заведение, бывшее купца Аннаева, существующее с 1863 года, и перешедшее в 1887 году к А.М. Фальковскому, оставив за собой название – «Аннаево». Это заведение отличается оригинальностью архитектуры построек, в Мавританском стиле. Говорили, что Аннаев построил «чудо-дачу, вложив в нее колоссальную по тем временам сумму – около 70 тысяч рублей; с садом и красивыми зданиями, напоминающими средневековые замки с причудливыми украшениями: стройными колоннами, балюстрадами, веерами лестниц, переходов, балкончиками, шпилями и башенками» [Из истории... 1992: 27].

Главное здание – 2-х этажный новый дом стоит на крутом берегу Волги и построен весьма эффектно, с массой балконов и террас. Отдельные квартиры в этом здании состоят из большой высокой светлой комнаты, большого крытого балкона и маленькой передней, они стоят 180-120 рублей за лето; комнаты без балкона и без террас стоят дешевле. Второе большое здание составляет театр, где помещаются библиотека и 8 небольших номеров во 2-м этаже, кроме того, в парке выстроено несколько домиков и отдельных флигелей, состоящих из 2-4 комнат. Всю территорию окружают деревья и цветы. Содержание на даче Аннаева почти одинаково с «постниковскими», но в силу обычая, на эту дачу собираются больные из более достаточного класса, поэтому общий уровень расходов несколько выше, нежели на даче доктора Постникова, где живут лица преимущественно среднего достатка [Самарские курорты 1895: 26-28].

В непосредственном соседстве с дачей доктора Постникова, ближе к городу, помещалась дача Чернышева, претендующая тоже на название кумысолечебного заведения, однако едва ли заслуживавшая этого названия. На даче имеется до 25 отдельных квартир, из коих только 2-3 с печками. При квартирах кухня нет. На даче в 1887 году выделялся собственный кумыс, но его производство как-то вскоре прекратилось [Самарские курорты 1895: 29-30].

Верстах в 5 дальше за «постниковской», расположено кумысолечебное заведение Колесникова. Оно помещалось в отличной местности, было окружено садами, дачами и пахотным полем. От города расстояние верст 10, а от ближайших дач, где живут доктора – верст 5-6. Извозчиков на даче нет. Жилых домов у Колесникова 6, в каждом по 2-3 квартиры для кумысников. Цена квартир, в среднем, по 50 рублей летом за одну комнату, или от 40 до 200 рублей за квартиру. Выделяется свой кумыс, тут же на глазах дачников, приглашенным для этого татарским семейством [Самарские курорты 1895: 31-32].

Было в окрестностях Самары еще одно заведение – дача Плешанова. Хотя это не столько лечебное заведение, сколько просто дачи, которые считались лучшими в округе и были всегда переполнены дачниками (несмотря на стоимость от 180 до 400 рублей за лето). Здесь ежегодно, на летний сезон поселялся старичок-татарин с семьей и, заведя стадо кобылиц, напротив дач, выделял кумыс, который пользовался очень хорошей репутацией и большим спросом, как со стороны дачников, так и со стороны городских жителей [Самарские курорты 1895: 32-33].

В 8 верстах от Самары было расположено кумысолечебное заведение И.В. Среднева. 22 квартиры со всеми удобствами и мебелью ценой от 10 до 40 рублей в месяц [Самарские курорты 1895: 33-36].

В 15 верстах к северу от Самары, на берегу Волги, в местности, известной под названием «Барбашиной поляны», лежит кумысолечебное заведение военного ведомства – «Военный Кумыс». Это заведение являлось отделением одного из местных военных лазаретов и приспособлено на 75 нижних чинов и 15 офицеров. Здесь хозяйство и администрация – казенные; на каждого отпускается 30 копеек суточного довольствия. Это заведение предназначено только для военных, хотя при нем располагались дачи, которые сдавались всем желающим [Самарские курорты 1895: 36-37].

Другие кумысолечебные заведения Самарского края были расположены уже в более значительном отдалении от Самары. Так, в 5,5 верстах была устроена кумысолечебница в имении Н.В. Чарыкова, лежащем около села Богдановки. Здесь имелся хороший парк, большой пруд и живописная река. Заведение снабжено всем необходимым, и нисколько не уступает большим кумысолечебницам [Самарские курорты 1895: 37-38].

К числу дачных кумысолечебных мест Самарского края принадлежит город Ставрополь, который лежит в 146 верстах от Самары. Ставрополь всегда привлекал больных своими кумысолечебными заведениями и, по праву, считался городом-курортом, поэтому развитие кумысолечения здесь было не только частным делом, но и общегородским. Сосновый бор, прилегающий к городу, был городской собственностью и Ставропольская городская Дума 6 мая 1879 года, отметив, что «в последнее время в город Ставрополь приезжает много иногородних лиц для пользования воздухом», приняла решение: «разрешить лицам, желающим пользоваться воздухом в летнее время в городской лесной даче устраивать в настоящее время летние помещения в той части, которая прилегает к городу» [ГАСО. Ф.3. Оп.15. Д.17. Л.76]. За 10 лет существования здесь дач, построенных «первым инициатором дачного дела» [ГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.98. Л.214] купцом Борисовым, приезжали дачники из Баку, Астрахани, Казани, Симбирска, Саратова, Ростова-на-Дону, Москвы, Петербурга, Нижнего и других мест. Особенно астраханцы возлюбили Ставропольскую рощу [Самарские курорты 1895: 39-40]. Больных съезжает несколько сотен человек каждое лето. Город окружен сосновым бором, расположенным на высоком песчаном бугре; к нему примыкает обширная степь с лучшими для корма кобылиц травами, сообщающими кумысу лечебные свойства. Кроме того, куда бы вы не обратили взор, везде представляется живописный ландшафт, способствующий сам по себе скорейшему выздоровлению [Отчет... 1871: 3]. Город окаймлен лесами в виде амфитеатра, благодаря чему Ставрополь считался природной санаторией и привлекал по летам массу народа из разных мест России. Условия в Ставрополе для санаторного пребывания были исключительно благоприятные: весь воздух был насыщен сосновым запахом, пыли никакой, всюду песок – ни грязи, ни сырости; имелся превосходный кумыс, масса было всяческих ягод, в особенности лесной земляники и рядом было отличное купанье в «Подборном» озере [Наумов 1954: 136-137]. Кумысолечебные заведения находятся сразу за городской чертой и состоят из огромного количества (до 250) разбросанных в беспорядке, наскоро сколоченных деревянных домиков, в 2-4 комнаты каждый, с отдельной кухней. Обстановка домиков, в большинстве случаев, очень скудная: она состоит из неокрашенного стола, двух табуреток или стульев, кровати без тюфяка. Посуды не полагается, кухонных и вообще хозяй-

ственных принадлежностей нет никаких. Есть дачи без печей. Квартирант должен все запасти сам. Для одиноких больных имеются номера, помещения которых довольно тесны и бедны; плата за них от 20 до 30 рублей в месяц. Прислуги при дачах совсем не полагается. Медицинская помощь обеспечивается городскими приезжими врачами. Семейным лицам, едущим на курорт, необходимо взять с собой постель, полное хозяйство и прислугу. Кумысолечебных заведений несколько. Кумыс изготавливается в степи, в 5-10 верстах от курорта и доставляется ежедневно. Кумыс берут у Борисова, Любимова, Круглова, Ржанова, Шахминой и других [Весновский 2004: 112]. На дачах Борисова есть совершенно отдельные домики, от 1 до 3 комнат; двойные дачи, по 3 комнаты каждая и один большой корпус с десятью номерами, в одну комнату каждый, в которой может поместиться одна кровать. Цена дач от 45 до 100 рублей [Самарские курорты 1895: 40].

Чтобы привить в Ставрополе это предприятие и обеспечить дальнейшее его существование и чтобы прогрессировать его, как в интересах лично своих, так и в особенности всего населения города, И.С. Борисов употребил все меры, которые от него зависели, а также затратил на это дело все свои средства какие имел и приобретал. Благодаря чему вскоре обнаружился ежегодный наплыв дачников и дачное, и кумысолечебное дело встало на твердую почву. Некоторые жители города, увидев пользу предприятия, впоследствии присоединились в его идеи и также стали принимать участие в постройке дач и производстве кумыса, отчего ежегодно наплыв дачников усилился еще больше и, следовательно, дачное и кумысолечебное дело прогрессивно расширялось и стало все больше и больше прочным [ГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.98. Л.232-233]. «Кроме «борисовских» дач, в Ставропольской роще понастроили еще дачи местные жители Сидоров и Фролов, всего до пятнадцати номеров, в восьми домах и домиках. У Сидорова и кумыс свой завелся, но «борисовский» считается лучше. Вообще, Ставропольская роща, по своей здоровой и простой в ней жизни, представляет дачникам много полезного и приятного» [Самарские курорты 1895:41].

Городская Дума видела в кумысолечебном деле большой потенциал для развития города, возможности для пополнения городского бюджета, поэтому всячески поощряла меры, направленные на благоустройство кумысолечебных заведений, создания на дачах более благоприятной обстановки для отдыхающих. «Благодаря предприимчивости купца Борисова, появление у нас летних дач в городском лесу возникло год или два. Климатические условия здешней местности и устройство кумыса привлекают значительную массу дачников, следовательно, эта доходная статья может со временем принести солидные выгоды городскому хозяйству и местным жителям.

Между тем, к несчастью, при первом лишь начинании этого дела уже слышится ропот приезжающих на неумелое, неудобное и неправильное расположение дач, почему лицо раз побывавшее у нас на дачах, не найдя для себя удобного помещения, едва ли захочет снова приехать сюда. Кроме того, известно, что на неудобство наших дач было уже заявление и в газетах. По таким причинам в недалеком будущем может потеряться весь авторитет наших летних дач. Принимая все это во внимание и ввиду поддержки существования дач на будущее время, городской Управе рекомендовано немедленно выработать проект более правильного и удобного размещения в городском лесу дач» [ГАСО. Ф.3. Оп.17. Д.11. Л.190].

Купец И.С. Борисов понимая, что для создания большей привлекательности курорта, нужны дополнительные меры, направил прошение в городскую Управу, где говорилось, что «в виду усиления наплыва дачников и так как между ними встречаются много лиц и даже целых семейств, приезжающих не только исключительно лечиться, а и подышать свежим сосновым воздухом, и при том же лиц и семейств, располагающих хорошими средствами, а, следовательно, с претензиями на различные удовольствия, явилась необходимость в постройке «курзала». В 1883 году вопрос об этом обсуждался в городской Думе в смысле устройства курзала от города, но так как Дума тогда, вероятно, еще недостаточно была убеждена в устойчивости дачного и кумысолечебного дела, то постройку его от города отклонила.

Между тем, будучи проникнут горячо в это полезное для всего населения города дело и чтобы предупредить падение его от отсутствия удовольствий дачникам (а это могло случиться) и несмотря даже на то, что большая часть дачников помещались на выстроенных дачах других жителей города и поэтому лично для него мало доставляет интереса, он один решился построить в 1890 году каменный курзал для удовольствия, как всех дачников, так и жителей города и построил его на арендованной у города земле, со всеми приспособлениями для удовольствия, затратив на него почти все наличные свои средства, больше 12300 рублей [ГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.98. Л.233-234]. В «курзале» было все, что полагается для курортных развлечений, вплоть до танцевального зала и театральной сцены [Наумов 1954: 137]. Всем известно, какую услугу существованию и ежегодному развитию дачного и кумысолечебного дела оказал и оказывает поныне выстроенный купцом Борисовым курзал, который почти исключительно один доставляет удовольствие дачникам и даже большей части жителей города и служит поддержкой дачного дела» [ГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.98. Л.234-236]. Более того, городская Управа признавала, что «устройство и содержание курзала, как с нравственной точки зрения, так и в интересах дачного дела и всего города, должно составлять обязанность города, а не частного лица, ибо дачное дело приносит пользу всему городу, в чем легко убедиться фактически из поднятия благосостояния города со времени открытия в городе дачного дела» [ГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.98. Л.237].

Дачное дело получило широкое распространение в крае. Стали появляться небольшие и недорогие кумысолечебницы, предназначенные в основном для местного населения. В одной версте от станции Марычевка, в бывшем барском саду, расположено кумысолечебное заведение Мамонова. Заведение это не пользуется большой популярностью, хотя лечащиеся и наезжают сюда. Квартыры с мебелью вновь отделаны и дезин-

фицированы. При дачах имеется сад, большое рыбное озеро, купальня, лодки, баня, ванны. Стоимость квартир с мебелью от 30 рублей. В 4 верстах от города Новоузенска и в одной версте от станции, на реке Большой Узень, находится хутор мешанина Рябинина. Владелец хутора занимается выделкой кумыса. На хуторе имеется пять совершенно отдельных летних помещений, которые отдаются под квартиры для приезжающих больных, ценой от 6 рублей в месяц, и 2-х этажный флигель – за 10-15 рублей в месяц. Кумыс, по отзыву местного врача, приготовлялся хорошего качества и всегда в более чем достаточном количестве. В селе Савинке, того же Новоузенского уезда, практикуется также лечение кумысом. Здесь имеется около 20 квартир, стоимостью от 8 до 12 рублей в месяц. Есть и отдельные сдающиеся дома. Готовить тут не умеют и обычно не берутся. В 1895 году с разрешения Самарского врачебного отделения было открыто кумысолечебное заведение Финка в селе Екатериненштадт, Николаевского уезда, в котором лечатся исключительно местные жители [Самарские курорты 1895: 43-49].

Кроме кумысолечения Самарский край известен своими целебными минеральными и серными водами, которые находятся в трех пунктах:

1) Сергиевские серные воды в Бугурусланском уезде, в 50 верстах от станции Черкассы, Самаро-Златоустовской железной дороги. Сергиевские серные воды принадлежат к весьма сильным источникам и успешно помогают при различных хронических болезнях. Арендатор и директор вод – врач Л.И. Савицкий. В достаточном количестве имеются номера со всей обстановкой и прислугой, а также отдельные квартиры. Для развлечения есть библиотека, парк, в курзале устраиваются танцевальные вечера. Стоимость водяной серной ванны – 50 копеек, плата за номера – от 10 рублей в месяц, семейные квартиры с обстановкой и прислугой – от 15 рублей в месяц.

2) Столыпинские минеральные воды в Николаевском уезде, в 50 верстах от паровой пристани Балаково на реке Волге... Курс лечения на Столыпинских минеральных водах продолжается обычно 1,5 месяца, причем, в случае продолжения лечения, по истечении срока, дополнительная плата не взимается. Кроме того, несостоятельные больные пользуются медицинскими советами бесплатно. При заведении имеется курзал и достаточное число суточных номеров и сезонных квартир. Плата за суточные номера от 50 копеек. Стоимость квартир за все лето – 70 рублей – за 2 комнаты, 90 рублей – за 3 комнаты и 150 рублей – за 6 комнат. Соляно-серные ванны отпускаются по 50 копеек, детские – по 30 копеек.

3) Алексеевские минеральные воды в Самарском уезде, в 27 верстах от Самары. Алексеевские воды находились с 1883 года в аренде у врача В.А. Горнича. Курс лечения предоставлялся за умеренную плату [Самарские курорты 1895: 50-65].

О курортах теперь заботятся все: и правительство, и города, и собственники их. Но об улучшении жизни вообще, о санитарии и гигиене, в особенности вне курортов, где утопая в грязи и зараженной обстановке гибнут напрасно массы населения, что-то очень мало, – несоответственно по числу жертв, мало, проявляют забот. Курорты нужны для сравнительно небольшой кучки людей власти и достатка, имеющей множество возможностей не страдать от антисанитарной жизни, прежде всего тем, что могут и должны, как более просвещенный и состоятельный класс, озаботиться улучшением всеобщей нашей жизни и обстановки, изъятием из нее невзгод всяких, и, прежде всего, конечно по санитарии и гигиене. Мы в долгу перед Родиной, которая нам дала все: и жизнь, и науку, и достаток. Получив от нее так много, мы только стараемся обособиться от всех, жестоко ошибаясь иллюзией, как будто наша жизнь и интересы сколько-нибудь могут быть благополучны среди окружающих нас со всех сторон, как стихия, невзгод жизни вообще и вопиющих дефектов по санитарии и гигиене в особенности [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.15. Л.36-38]. Стихия невзгод медленно, но постоянно отравляет, как болото, жизнь народа и ослабляет его энергию и трудоспособность. При всеобщем неустройстве и неблагополучии по санитарии и гигиене и наша жизнь в опасности. Никакой личный комфорт и никакое обособление не спасет нас, если кругом неблагополучно. От заразы и антисанитарии кругом страдают все, не исключая даже царских дворцов [ГАРФ. Ф.549. Оп.1. Д.15. Л.36-38].

В 1901 году Самарская врачебная Управа сделала закрытый доклад «Об устройстве кумысолечебного заведения». В нем указывалось, что «чахотка уносит ежегодно в могилу много молодых сил. Борьба с нею вопрос вполне назревший и вести его следует доступными для земства средствами. Самое выгодное и верное решение борьбы с чахоткой – это устройство специальных санаториев; но это требует значительных денежных затрат и в данное время едва ли посильных для уездного земства» [Овсянников, Хуторской 2002: 63].

Мысль об устройстве санатория была и у заведующего ставропольской больницей доктора И.Г. Хлебникова: «мне блеснула в голову мысль об устройстве летнего помещения для бедных больных чахоткой из жителей Ставропольского уезда, на первое время хотя бы на 15 человек». Однако из-за недостатка средств земство его не поддержало [Овсянников, Хуторской 2002: 64]. Лишь в 1910 году ставропольский купец I гильдии Н.А. Климушин выкупил все разрозненные дачные домики и построил двухэтажное здание противотуберкулезного санатория «Лесное» с передовыми методами лечения и обслуживания. Главным врачом в санаторий был приглашен один из лучших врачей России В.Н. Золотницкий, который высоко оценивал лечение кумысом: «Это наш национальный, чисто русский способ лечения. В кумысе больные находят могучее укрепляющее средство, особенно в начальных стадиях туберкулеза» [Овсянников, Хуторской 2002: 68].

Согласно определению энциклопедического словаря: «Город – это пункт наибольшей плотности населения, обусловленной скоплением больших и разнородных по составу людских масс на сравнительно неболь-

шой территории. Такое скопление является, прежде всего, источником целого ряда огромной важности отрицательных условий городской жизни. Все эти условия, беспрепятственное и безостановочное развитие которых не только привело бы к физическому и моральному вырождению городского населения, но сделало бы даже, в конце концов, невозможным самое существование города. И, в то же время, все эти условия, устранение которых выходит далеко за пределы власти, сил и способностей отдельного индивидуума; борьба с ними лежит, поэтому, на обязанности коллектива и должна быть предметом общественной заботы, значит и общественного хозяйства.

Таким образом, получается первый – самый важный по существу, и самый обширный по объему род задач городского хозяйства, определяется необходимостью борьбы с отрицательными условиями городской жизни» [Энциклопедический словарь 1922: 43-44].

Список литературы

- Алабин П. В. 25-летие Самары, как губернского города. – Самара, 1877. – С. 32.
Весновский В.А. Путеводитель по курортам Урала. – Челябинск, 2004. – С. 112.
Вся Пенза. Справочная и адресная книга. – Пенза, 1925. – С. 63.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 549. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
ГАРФ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 15. Л. 6-7.
ГАРФ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
ГАРФ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
ГАРФ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 15. Л. 36-38.
Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 15. Д. 17. Л. 76.
ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 98. Л.214.
ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 98. Л. 232-233.
ГАСО. Ф. 3. Оп. 17. Д. 11. Л. 190.
ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 98. Л. 233-234.
ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 98. Л. 234-236.
ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 98. Л. 237.
Из истории российского предпринимательства (на примере крупнейших купеческих фамилий Самары). – Самара, 1992. – С. 27.
Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. – СПб., 1877. - Т. 19. – С. 485.
Михайловский А.Г. Бюджеты русских городов // Известия Московской городской думы. 1905. - Сентябрь-октябрь. – С. 2, 3, 25.
Михайловский А. Г. Бюджеты русских городов // Известия Московской городской думы. 1905. - Ноябрь-декабрь. – С. 3.
Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний 1868-1917: В 2-х кн. – Нью-Йорк, 1954. – С. 136-137.
Овсянников В. А., Хуторской М. А. Земская медицина в Ставрополе. – Тольятти, 2002. – С. 63, 64, 68.
Озеров И. Х. Большие города, их задачи и средства управления. – М., 1906. – С.61-62, 76.
Отчет доктора Н. В. Постникова за тринадцатый сезон первого Кумысолечебного Заведения. – Самара, 1871. – С. 3,4.
Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). – СПб., 1902. – С. 163.
Самарские курорты. Путеводитель по Самарским кумысо- и водо-серно-лечебным заведениям. – Самара, 1895. – С. 5-6, 18-24, 26-41, 43-65.
Семенов В. Благоустройство городов. – М., 1912. – С. 68.
Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. – СПб., 1895. – С. 72-73, 75-80, 83.
Шрейдер Г. И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. Т. 4. – СПб., б/г. - Т. 4. – С. 2.
Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. – М., 1922. - Т.16. – С. 43-44.

ЭКСТРАКЦИЯ ПРОШЛОГО КАК МОМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Санникова Т. О.

Удмуртский государственный университет (филиал) в г. Воткинск

Коллаж, как известно прием весьма любимый постмодернизмом, как игра, как попытка убежать от академической серьезности. Его использует и современная идеология, правда, стремясь всячески эту коллажность затушевать, называя это возрождением традиций, опорой на прошлое, возрождением наследия и чем угодно, лишь бы это выглядело достаточно фундаментально, обоснованно и напротив весьма серьезно.

Витиеватые движения исторической памяти и своеобразное извлечение, экстракция из этого прошлого требуемых в нынешний момент фрагментов демонстрирует отнюдь не стремление сохранения прошлого просто потому что это прошлое – и потому его нужно помнить и ценить («любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам...») (А.С. Пушкин). А демонстрируют они тот тип исторического мышления, который французский историк Франсуа Артог назвал «презентизмом» [1].